

Ю.М. Осипов

Философические откровения

Аннотация. Что есть философия вообще и философия хозяйства в частности, их сопряжённость с Софией? Влияние философской мысли на сознание человека и его поведение. Практическая функция философии вообще и философии хозяйства в частности. Пока есть метафизическая философия, пока есть и человек.

Ключевые слова: философия, метафизика, философия хозяйства, София, софиасофия, наука, религия, апокалиптика, философский праксис, человек, Россия, социум, С.Н. Булгаков.

Философия не там, где ясно, а там, где неясно.

«Чего только не сказано о бедной философии, какого словесно-категориального хлама на неё не вывалено, как только она не была обозвана, кем только не была решительно, безоговорочно и окончательно-де изобличена в своей несостоятельности. А ведь всё дело в том, что философия, в отличие от тех же конкретных наук, вообще не подлежит никакой конечной определённости, столь радующей любителей точного знания. Философия в этом разе — *ничто!* Ибо она прямо оттуда — из *Ничто*, причём не так собственно философического, как онтологического. А ежели из Ничто, то и сама философия есть ничто, хотя при этом она есть и *нечто*, но настолько плотно сопряжённое с Ничто, что нечто это никак не может стать... *Нечто* — стопроцентным, так сказать, нечто. Философию не определять надо, как и не знать только, а философией надо жить — что бытовой, что мифологизированной, что научной, что воистину философской. Философия — продукт сознания, который при этом есть и само сознание, разумеется, работающее сознание, но при этом и как бы вышедшее из себя сознание — обо-слов-ленное! Будучи реализацией (эманацией) сознания, философия начинает, строит, формует и само сознание, его по-своему решительно осознаниевая. Философия — сама себе причина и сама себе следствие, а потому и сама себе суть! Хотя это не значит, что философия вне бытия, наоборот — философия не только бытийна, она и сама есть бытие. Однако бытие особое: мало того, что в сознании и осознаниеенное, но ещё и в особом сознании и по-особому осознаниеенное. Только *философская философия*, она же и *высокая философия*, ориентированная непременно на саму себя, или же саму себя вынужденно, но нежно любящая, может квалифицироваться, конечно же, условно, как “любовь к мудрости”, ежели под мудростью понимать всё человеком в нефилософском порядке не

высказываемое, что есть, опять же, то же самое *ничто!* Ничто — метафизическое лоно философии, её неиссякаемый источник. А нечто, к чему так или иначе приходит любая философия — не более чем образ этого материнского Ничто, его не то что отражение, а всего лишь воображение, реализуемое благодаря бытующему в сознании Логосу (словообразованию). Высокая философия — это фактически *философия философии*, а потому её, или просто *философию*, следует отличать как от науки, так и от религии, не говоря уже об искусстве и литературе, хотя в философии непременно присутствуют элементы-аспекты научного, религиозного, художественного и литературного свойства. Наука — точное по преимуществу знание-исследование; религия — принимаемое на веру, а оттого и совершенно истинное, знание-откровение; искусство — вообразительно-изобразительное знание-образ; литература — словообразовательное знание-сказание. Что же тогда философия? Это, конечно, — *знание знания*, хотя не только и даже не столько, ибо более всего это не что иное, как *знание незнания*, не претендующее при этом ни на какую — сциентическую или же религиозную — истину — точную или догматическую, хотя и не пренебрегающее кое-какими выведенными для себя истиннообразными сентенциями. Если для той же науки потребен неоспоримый факт, а для религии — непоколебимое убеждение, то для философии важны свободно вырабатываемые ею — из и над ничто через посредство сознаниевого нечто — *мысли, суждения и понятия*, сообразные с бытием и воспринимаемые сознанием, а в случае удачи само это бытие и участвующее в нём сознание и немало образующие. Философия — реализация бытия и выделка сознания... самим же сознанием, но при непременном самодвижении бытия и посредством вполне свободного истечения сознания!»

«В отличие от науки и уже действующей религии, философия может быть не просто разной, но и, как искусство и литература, любой: сколько философов-творцов, столько и философий, а вот в отличие от тех же искусства с литературой, философия должна изъясняться по преимуществу *понятиями*, да не вообще понятиями, а непременно восходящими (или нисходящими) к Ничто! Задача философии — прояснить, как и присвоить (сделать своим), *трансцендентное*, обычно понимаемое как неизвестное и непознаваемое, а по сути-то для окружающего мира запредельное, не “сейное”, совсем *иное*, но сознанием всё-таки как-то воспринимаемое, пусть и через воображение, умозрение, откровение. Тут надо бы различать обыденную философию, которая может принадлежать любому объекту-субъекту, как и попросту быть библиотечной философией, или же философией ради философии, и высокую философию, как раз *философию философии*, предназначенную для активного творческого взаимодействия с

трансцендентированной (окутанной и вовсю обусловленной трансценденцией) реальностью. Обозревая со вниманием и тщанием реальность, высокий философ вглядывается пристально и в самого себя, погружая свое собственное приятие в собственное же сознание, которое тоже ведь реальность, и посредством синтеза реальности как реальности, сознания как реальности и реальности как сознания он находит в недрах своего собственного сознания ответы на вопросы, касающиеся обозреваемой его сознанием внешней реальности. Сознание высокого философа — особое сознание, по-особому подготовленное и по-особому восприимчивое, как раз то самое сознание, которое, по-особому воспринимая и отражая в себе реальность (через взаимодействие нечто с ничто), только и способно осуществить высокое философствование. Не один лишь ум философа, как и не только его сердце, участвуют в этом философствовании, а всё сознание философа-мыслителя, философа-мудреца, философа-творца, включая те “части” сознания, одну из которых принято называть подсознанием, пользующимся *интуицией*, а другую не слишком принято пока называть сверхсознанием, как раз и доставляющем *откровения*. Ни один высокий философ не знает откуда, почему и для чего приходят в его сознание те или иные внезапные решения, которые он обнаруживает в виде словесно обустроенных мыслей, суждений и понятий, используемые, если повезёт, при создании больших концептов, идеологий и учений, — он лишь знает, что приходят все эти решения по причине имманентно и в то же время трансцендентно вырастающего в его сознании таинственного *пред-знания*. Такой философ ничего не исследует, он не слишком опирается на уже добытые знания и заготовленные кем-то и когда-то учёные догмы, хотя и знает “точные” научные речения и заложенные в книжных фолиантах “безукоризненные” истины, — он... всего лишь... *думает*, но вовсе не так, как думают обычно исследователи и последователи, а думает... как бы и не думая — в ходе и с участием особого рода личного переживания, захватывающего всё его сознание, находящегося к тому же в некоем сжатом состоянии прямо в точке так называемой обратной перспективы, сочетающей в себе всё пространство и всё время, что даёт философу возможность видеть всё ему потребное сразу и в целом, одновременно и в полном объёме, мало что при этом в деталях и различая. Тут работает вроде бы интуиция, но интуиция опять же особого рода, сопряжённая лишь с по-особому развитым, обогащённым и чувствительным сознанием, вовсе не чуждым высокому интеллекту, как и той же обширной эрудиции, наоборот, с ними органично взаимодействующим. Высокий философ — обладатель того самого пресловутого “чуть-чуть”, не сводимого ни к чему, кроме тайны высокого сознания, как это и имеет место у любых творцов, добивающихся необыкновенных вершинных результатов».

«Профессиональные философы, получившие специальное философское образование — безусловные знатоки философии, точнее — философских трудов, наделанных и накопленных человечеством. Однако мало кто из них оказывается действительными философами — философами-творцами. Быть высоким философом — особого рода страдательное служение-деяние, на которое оказываются способными, а лучше бы сказать... к которым бывают призванными, совсем немногие, если не единицы. Философия, о которой идёт речь — не демонстрация готового знания, как правило, давно полученного и изрядно уже окосневшего, а текущее изъявление всюду творческого сознания, однако не в аспекте интеллект-каприза, а в ракурсе ответственного диалога философствующего сознания с реальностью — ради человека и всей мировой реальности, человека как раз тоже включающей. Движение науки — ощупывание человеческим сознанием поверхности мировой реальности, её, так сказать, тверди, её материи, а лучше сказать — *физиса реальности*; бытие религии — полёт трансцендированного сознания с горнего верха, с необозримого конца небесной вертикали, из самого иномирья над земной поверхностью, над движущимся среди физиса человеческим сознанием; полёт, имеющий целью сообщить человеческому сознанию кое-какие тайны горнего мира и крайние метафизические параметры земного бытия; блуждание же философии — парение человеческого сознания между Землёй и Небом, как и продиранье его по “подземелью” и внезапные залёты в “занебесье”, но в любом случае и более всего по многоуровневой вертикали — вверх и вниз, как и по преимуществу по *метафизису реальности*. Философ-творец знает накопленное философское знание, пусть нередко и не в том объёме, как философ-эрудит, но для него главным является прорыв через пелену уже добытого знания к *иному* знанию, — и он только усмехается по поводу того, что всё, мол, уже сказано и хорошо известно, что гениальные греки уже соткали в целом высокую философию, а любым их потомкам лишь остаётся плестись по ими проложенному следу, глядя уныло на их призрачно мелькающий впереди гениально выставленный хвост. Да, титанические греки многое натворили, возможно, по тому времени даже и всё, но они всё-таки не знали, что такое тот же европейский гуманизм, как те же капитализм с социализмом, как тот же фашизм, как и тот же научно-технический прогресс, как та же тотальная переделка природы и то же нарочитое пересотворение человека самим же человеком. Так что древним грекам древнегреково, а нам, увы — *нашево!* Высокая философия не кичится собою, хотя может на досуге и малость подурить, она *зрит* мир и создаёт *мировоззрение*, а вместе с этим последним *действенную идеологию*, как и те же *понятия*, начинающие сознание и управляющие человеком и

человечеством. Высокая философия — вовсе не отвлечённое знание, а знание вполне и практическое, — это как к нему при случае отнестись! Отталкиваясь от чуждой философии чистой науки, философия приближается к религии, как и в лоне чистой науки, но в лоне религии философия перестаёт быть философией. Вот почему собственно философия не в собственно науке и не в собственно религии. Хотя философия не сама по себе: она с наукой и с религией, но только через посредство реальности. И хотя конкретных высоких философий немало множество, но объект-то у философского размышления всё-таки один: вся реальность, человек и мир, жизнь и сознание, физис и метафизис, хозяйство и история, а потому и высокое значение имеет та из философий, которая ближе не к собственно философии, а к реальному контексту-процессу, причём и в совершенно практической плоскости. Нет ничего “хуже”, чем философия для философии, как и те же искусство для искусства или литература для литературы: философия вне нефилософской реальности — пустой звук! Действительной ценностью обладает только сплетённая со всей реальностью философия. Действенная философия всегда вторична — от реальности. Такая философия сначала *от* реальности, а потом уже *на* неё. Отвлечённая от реалий философия, она же утончённая “игра в бисер”, мало кому нужна, а человечеству потребна более всего философия реальная (или реалистическая), способная к тому же и вполне осознанно действовать».

«Высокая философия давно уже задумалась над практической стороной своего многотрудного дела, породив в итоге таких “агентов влияния”, как экономия, социология, политология, историософия, религиоведение, психология, этика, эстетика, науковедение, техноведение, информалогия. Сказать, что философия лишь отвлечённое знание, не имеющее практического выхода — не знать ни философии, ни реальности, ни практики. Сознание человеческое не только в принципе не свободно от философствования — по преимуществу, конечно, обыденного, — но оно, как это для кого-то ни странно, не свободно и от философии как таковой, в том числе и высокой. Практикующий, то бишь растрачивающий свою трансцендентную вечность на своё имманентное время человек не задумывается о происхождении многих и многих слов и понятий, которыми он ежедневно пользуется, а происхождения-то они оказываются очень часто самого что ни на есть философского. Экономия, политика, государство, культура, цивилизация, юриспруденция, искусство, гуманизм, эволюция, развитие, демократия, плутократия, деспотия, индустриализация, глобализация, геостратегия — всё это и этому подобное ведь пришло в обиход человеческий из философии, а если хорошенько задуматься над вопросом генезиса широко употребляемых слов и понятий, то окажется, что очень и очень многие из них

вышли прямо из философии: христианизм, протестантизм, капитализм, меркантилизм, социализм, либерализм, фашизм, интернационализм, глобализм... о-о... легче, наверное, перечислить то из человеческого интеллект-словаря, что не имеет философского происхождения, да и то не без прилипчивого и нудного сомнения. Интеллектуальный мир-процесс — феномен в основе своей совершенно философический, каковыми являются и все в нём участвующие интеллект-сознания. В отвлечённой, или увлечённой самою собою, философии нет ничего ценного, кроме разве схоластического умения размышлять вообще. Ценность философии не в ней самой, а сначала в том, *о чём* она говорит и потом уже *что* говорит. Беда философии в неустанных попытках уйти в себя, замкнуться в философском материале, отгородиться от мира. Отсюда, в частности, непонимание философии и неуважение к ней, её отрицание и даже притеснение в университетах, “изгоняние” из учебных программ в “непрофильных” учебных заведениях, что служит оправданием и для преследования вполне живой реалистичной философии — уже в угоду кем-то задуманной и энергично исполняемой мировоззренческой диверсии, работающей на процесс *расчеловечивания человека*, превращения его в бессмысленное *информационно-механическое чудовище*. Незамечание фундаментальной роли философии в формировании сознания человека и в обеспечении его бытия, пусть более всего и на элитарном (управленческом) уровне — если не фундаментальная глупость, то уж явно благоприобретённая лицемерность. Да, одна часть достаточно образованного человечества живёт ныне, как ей кажется, наукой и научным мировоззрением; другая часть, быть может, не столь массово образованная, уверена, что она живёт религией; но мало кто из ныне живущих понимает, что *все* они живут... *философией* — хоть обыденной и тривиальной, хоть высокой и исключительной. Практика от философии — практика прежде всего в сознании, как и, разумеется, в культуре (общественном сознании), а потом уже в поведении, решениях и действиях. Осознанный человек — человек в той или иной мере и в том или ином качестве *философический (философизированный)*, а потому практикующий человек всегда есть тот или иной реализатор философии. Философическая (философизированная) практика — концептуальное управление сознанием и человеком, — не более и не менее! И для этого философия создаёт *концепты*, оформляемые обычно либо как идеологии, либо как системы взглядов, либо как учения, либо даже как программы действий, а иной раз никак легально-публично вообще не оформляемые, то бишь существующие как *криптоконцепты*, не подлежащие широкой огласке. Философический мир — отнюдь не только скопище профессиональных философов и столь же профессиональных учреждений, как и не вообще заявочно философствующий люд, — это широко и

разнообразно структурированный, тщательно институционализированный, частью открытый и частью закрытый, расплывчатый повсюду, очень по-разному концептуально и функционально выраженный, частью вполне инертный, а частью весьма и активный, мало кем улавливаемый и мало кем адекватно понимаемый... *человеческий мир*. Недооценка философии и философического мира — тупость, слепота, заблуждение или же сознательная провокация. Пока жива философия — живо и цивилизованное человечество! Живо как именно человечество — *всё-ещё-человечество*, ежели, конечно, сама философия не развернётся, хотя уже частью своей и развернулась, против человечества, — и это вовсе не утопия!»

«В начале XX в. в России появилась на свет особая философия — *философия хозяйства*. Не как только особое содержание, а как и по-особому обозначенное содержание. Произошло всего лишь соединение, — вполне, заметим, и мистическое — двух хорошо известных слов — “философия” и “хозяйство”, правда, последнее было взято не из греческого словотворного источника, а из русского словарного запаса, т. е. взята была не греческая “экономика”, а русское, пусть и, по-видимому, санскритского происхождения, “хозяйство”. И это произошло, хотя и более всего тогда интуитивно, вовсе не случайно: новоевропейская культура уже успела к тому моменту то ли экономику загнать в товарно-рыночный монетаризм, то ли, наоборот, этим последним накрыть с головой экономику, а потому отставшая-де от новоевропейства русская культурная традиция более настаивала не на “экономике”, слившейся уже тогда с капитализмом, а на “хозяйстве”, выходявшем за пределы вездесущего капитализма. Русское “хозяйство” было шире, объёмнее, богаче, разнообразнее по своей смысловой начинке, чем проевропейская “экономика”. И основатель философии хозяйства С.Н. Булгаков ухватился именно за “хозяйство”, оставив где-то рядом — как синоним — “экономику”, памятуя при этом, что “хозяйству” как термину можно всё (вроде того же “хозяйства Бога”), а экономике, увы — нет (какая-токая “экономика” у Бога?). Дальнейшее движение русской философии хозяйства (уже в конце XX в.) блестяще подтвердило гениальную интуицию Булгакова, окончательно разделив содержательно “экономику” и “хозяйство”, хотя и оставив возможность синонимического употребления двух относительно согласующихся между собой терминов. Опять же весьма любопытно то, что Булгаков выбрал для своего интеллект-открытия не научное слово “теория”, а вполне в общем-то метанаучное слово “философия”, ибо, во-первых, не создавал новой научной концепции, хотя бы в рамках той же политической экономии, а хотел как раз от всего подобного уйти, в том числе и от политэкономии, признавая и метафизику, и идеальное, и трансцендентное, и

божественное, в общем — признавая всё *метанаучное*, а во-вторых, стремился избежать поверхностной феноменологии с её ограничительной фактологией, уходя в сферу сущностного, ноуменального, смыслового, одним словом — *метафизического*. Булгакову была нужна не новая теория, а новое воззрение, причём свободное от системно-модельно-теоретических, не говоря о формально-математических, ограничений. Всё это могла дать только философия, отчего и явилось это в общем-то магическое словосочетание — *философия хозяйства!* Почему же магическое? Нет, конечно, не в связи с какой-либо нарочитой магией, а попросту по неожиданному богатству вдруг ставших открываться из и от этого словосочетания смыслов. Философия хозяйства — не философия *на* хозяйство (не применение философии к хозяйству), а философия *от* хозяйства, его — этого самого хозяйства — собственная философия. Да, философское высокое наследие — это хорошо, его надо иметь в виду и кое-где умело использовать, но тут важно стало заполучить и *иную* философию, идущую прямо *от* хозяйства, которое в связи с этим и само зазвучало совсем по-другому, чем это было в устах дипломированных экономистов — как *человеческое жизнеотправление* (булгаковская формула: “Жизнь как хозяйство, хозяйство как жизнь!”), то бишь не только не как однеженное (монетарное) хозяйство, или экономика, но даже и не как лишь домостроительное действие, ибо та же война, к примеру, которая тоже есть хозяйство, его проявление, никакое уж не домостроительство, а, наоборот, самое настоящее доморазрушительство. Да и саму философию, которая тоже ведь есть феномен... э-э... хозяйственный, как и язык, как исчисление, как сама мысль человеческая, не очень-то отнесёшь к домостроительству. Так что философия хозяйства, будучи сама магическим открытием сознания человеческого, породила — столь же магически — целое смыслоизвержение, заставившее не просто по-иному взглянуть на привычные вещи, но и позволившее выработать совсем иное мировоззрение, которого не давали и не могли дать ни научная экономия, ни ранее состоявшаяся философия, в том числе и сугубо научная. Возникновение философии хозяйства, а иначе — философии творческого со стороны человека жизнеотправления, — не столько даже переворот, сколько качественный скачок в мыслиеизъявлении человека хозяйствующего, причём самим человеком, как будто бы вполне образованным и вовсю вроде бы мыслящим, совсем ещё и не осмысленный, не то что признанный. *Слава Богу, что рождение философии хозяйства случилось в России и что обязано оно русскому гению, оказавшемуся погруженным по праву рождения в русскую неотмирность!»*

«Философия хозяйства — некая Чаша мудрости, так сказать — Грааль, а её очень хотят расшифровать, упростить, “опубликовать”. Давай-де попроще, попонятнее, да и

позанятнее тоже! Разумеется, какое-то учебниковое облегчение текстов возможно, но... здесь, безусловно, есть и свой предел. Философия хозяйства — более всего мировоззренческое и концептуальное знание, причём не просто знание, а *знание-размышление*, и излишняя его популяризация грозит незаметным перескоком к опошляющей профанации. Бытование в стане философии хозяйства нужно заслужить: большим трудом, знанием очень многого, долгим размыслительным переживанием, неустанным преодолением ошибок и заблуждений, непрерывной самокоррекцией, немалым жизненным, а не библиотечно-интернетным опытом. Вхождение в мир философии хозяйства — награда, добываемая сдержанным и тяжким подвижничеством, а не ученическим экзаменационным триумфом. Сколько философий и тех же политэкономических учений загублено образовательным-де профанированием, превращением живого знания в заскорузлый дидактический мертвяк! Никто не сомневается, что в том же музыкальном искусстве или большом спорте потребно особого рода высокое мастерство, к которому идут годами, неистово с юных лет напрягаясь, трудясь и страдая, тогда почему же к высокой философской культуре можно-де прийти, прочитав к какому-нибудь кандидатскому экзамену пусть и хороший, но всего лишь учебник: нет и нет, высокая философия, к которой относится и философия хозяйства, требует и соответствующего ей высокого трудо-душевно-интеллектуального усилия! Нет смысла отрицать необходимость вводных учебных пособий, но ни в коей мере нельзя отрицать принадлежность философии хозяйства к высокому посвященческому знанию типа того же жреческого. Философия хозяйства — сгусток эзотерики, это во многом сокрытое, даже и конспиративное, знание, причём не лежащее готовеньким на доступной всем книжной полке, а непрерывно лично-лично создающееся. Да, в хозяйстве есть свои доминантные опоры и инварианты, но в целом это постоянно меняющееся, наполненное импровизацией и инновированием, всюду усложняющееся человеческое бытие, что требует от философии хозяйства не столько раз и навсегда доказанных формул, сколько безостановочно новаторского творчества. Вот почему в фундаментальные основания философии хозяйства закладываются достаточно неопределённые и даже нарочито неоднозначные положения, обычно смущающие любителей точной науки и научной-де философии, склонных к дефинитивной и категориальной определённости, но зато вовсе не стесняющие тех из мыслителей, кто понимает, с каким всё-таки предметом имеет дело философия хозяйства — не столько с физическим, механическим, технологическим, функциональным и даже практическим, сколько с метафизическим, потаённым, ускользающим, всего менее системным и модельным, но всего более концептуальным и... sic!.. о-о, горе философии хозяйства!.. *мифотворческим*... если под мифом понимать,

конечно, не привлекательную выдумку-сказку, а единственно возможную смысловую (метасмысловую) презентацию сложно-неопределённого объекта, вполне ему и адекватную. Философию хозяйства не заучивают, а осваивают, причём не столько посредством чтения готовых текстов, сколько собственным глубоким и долгим размышлением. Философ хозяйства — не так знаток, как жрец, не так преподаватель, как наставник, не так эксперт, как мудрец! Ясно, что тут наличествует некоторое акцентированное преувеличение, но только так можно оттенить специфику любого высокого, метафизического и концептуального по преимуществу знания-размышления, каковым и является философия хозяйства».

«Практична ли философия хозяйства? Этот вопрос любят задавать как последовательно сомневающиеся в философии хозяйства, так и ей вполне сочувствующие. Ответ тут таков: практична, конечно, но вовсе не так просто и прямолинейно, как того хотелось бы излишне скептическому вопрошателю. Практична, как и любое высокое фундаментальное знание, ибо влияет на сознание, мышление, решения, определяет мировоззрение, даёт понимание, лишает иллюзий. Разве этого мало? И хотя этого вовсе и не мало, философия хозяйства даже ещё более практична, ибо в её лоне идут мощнейшие познавательные-размыслительные процессы, имеющие прямое касательство ко многому фактически происходящему с человеком (человечеством), с социумом, цивилизациями, эволюцией и развитием, наукой, философией и религией, самим по себе хозяйством. Философия хозяйства не замкнута (и не может быть замкнутой) на саму себя, она открыта к контексту, его видит, над ним размышляет, даёт о нём своё особое представление. И вполне, если надо, конкретное! Да, она не будет давать заключений о строительстве очередной АЭС или новой автодороги, чем занимается конкретное хозяйствование, представленное той или иной конкретной наукой, отраслью знания, технологией, но зато может неплохо порассуждать об общем состоянии человека и общества, строящих АЭС и прокладывающих автодороги, о господствующем социо-хозяйственном устройстве, о существующих, часто и незаметно, фундаментально-глобальных проблемах и рисках, о движении человека и общества (страны, нации, региона, мира) в будущее, о возможном в реальности будущем, как и предоставить действующим субъектам кое-какие рекомендации, исходящие не из какой-то конкретной идеологии, чему философия хозяйства в принципе чужда, а из выводимых ею обобщающих представлений. Философия хозяйства не попадает в капкан ни к одной из заведомых идеологий, поскольку считает идеологии такими же продуктами бытия, хозяйства и истории, как и, к примеру, то же государство, полагая эти разные продукты на фоне общего бытия-

хозяйства-истории вполне и равноценными. Личная приверженность конкретного философа хозяйства той или иной идеологии не означает, что какая-то избранная или выработанная им идеология и на самом деле лучше или ценнее других. Само бытие вкупе с хозяйством и историей тут нейтральны! Волнующие то или иное сознание идеалы совершенно безразличны общему бытийно-хозяйственно-историческому процессу, для которого не существует ничего заведомо хорошего или заведомо плохого. Это вот Богу Создателю, надо полагать, не безразлично, как и куда идёт бытие-хозяйство-история, какой знак в тот или иной момент там преобладает, а самому-то бытию-хозяйству-истории тут совершенно всё равно — к благу или вреду, к добру или злу, к жизни или смерти. Вот и философия хозяйства в основе своей вне идеологий, хотя это и не означает, что тот или иной философ хозяйства не может быть автором или приверженцем той или иной идеологической конструкции, правда, уже переставая быть свободным от идейных априорий мыслителем. Философ хозяйства не может не задаваться такими вопросами, как “Что есть человек?”, “Что человек делает в этом мире?”, как и “Что человек делает с этим миром?”, а ведь каждый из людей приходит в этот мир откуда-то, хоть и из лона материнского, причём вполне беспомощной особью, затем, окрепши и поднатюпив в знаниях, что-то делает, творит, переделывает, надстраивает, обновляет, а потом уходит куда-то из этого мира такой же беспомощной особью, какой по сути и пришёл, что не мешает человечеству быть и быть на Земле, хозяйствовать и хозяйствовать, творить и творить, но вот *что* же, кроме самой текущей жизни? Загадка тут, причём безо всякой отгадки! Заметим ещё раз, что бытие — это хозяйство, история — хозяйство, жизнь — хозяйство, смерть — тоже хозяйство! Так что хозяйство — это всё, включая реальность и ирреальность, возможность и действительность, имманентность и трансцендентность, Явь и Навь, Инь и Янь, Свет и Тьму! Но непременно в действии, в реализации, в изменении, с *телеологией* и, разумеется, не без *эсхатологии*. Философия хозяйства ничего из всего этого не исключает, ничего не идеализирует, ничему истово не поклоняется. Основной вопрос философии хозяйства: *что есть человек как творец и что он на самом деле и в итоге творит?*. Ответ на этот вопрос порождает бесконечное количество иных вопросов — больших и малых, всеобщих и локальных, идеальных и практических, а в *ответственном* итоге образуется целостный и напряжённый поток мысли, отвечающий и не отвечающий на главный и все остальные жгучие вопросы, но явно человеческое сознание просвещающий, обогащающий и укрепляющий. Вот она, самая что ни на есть практическая функция философии хозяйства!»

«Людам очень часто хочется услышать ответ на вопрос: “Что делать?” И очень не хочется услышать в ответ что-нибудь этакое: войну, революцию, реформу, террор, “большую чистку”... э-э... что там ещё из не очень-то благонамеренному и мирному человеку потребного, однако с завидным постоянством, пусть и с перерывами, не просто с человечеством происходящего, но и им — человечеством! — запросто осуществляемого. Хотя давно уже сказано, к примеру, что жить и хозяйствовать человекам надо бы с уважением друг к другу и по справедливости, но... что-то не очень-то получается, точнее, совсем и не получается, а ежели что-то и получается, то... увы... через... *насилие*, причём насилие одних людей над другими, с диктатом, подчинением, беспрекословием, хотя и по-разному, в том числе и вполне по-гуманному, чуть ли даже и человеколюбиво. Человек — *зверь*, и со зверством своим прощаться почему-то не хочет. И хотя человек одновременно и... *человек*, но этот-то человеческий человек никак в человеке-звере окончательно верха не берёт. Какое уж тут уважение и какая-то справедливость?! А-а... вынужденные, насильственно внедрённые, настоятельно архетипические, чуть ли не врождённые... но вот однажды взял один культурный человек, воспитанный и вежливый, совершенно, знаете ли, благополучный, даже и благонравный, в руки винтовку и расстрелял безо всякого сожаления таких же культурных, воспитанных и вежливых, совершенно, знаете ли, благополучных и благонравных, соотечественников, причём не будучи ни душевнобольным, ни кем-то сильно обиженным, ни чем-то социально-материальным обделённым, но зато бывшим очень хорошо идеологически подкованным — как раз против всего этого благополучного и благонравного человечества! Этаким Христос-наоборот, свершивший свой Страшный Суд, тоже, конечно, суд-наоборот! Говорят, что наказывая человека, Бог лишает его разума, награждая безумием, но это не совсем так — Бог ещё и попускает... благополучие, которое в итоге оказывается пострашнее безумия, ибо уничтожает человека в человеке безо всякой на то явной причины — при полном его уме и рассудке! Выходит, что человека нет и не может быть в зоне благополучия, того самого благополучия, к которому человек изо всех сил как раз и стремится, — как более всего зверь, разумеется! Отсюда потребность в мере, в умеренности, в аскезе. А кто этого сегодня в массовом-то порядке жаждет? Разве лишь кто-нибудь из каких-то остаточных и неуспешных, но несмотря ни на что человеческих, русских, китайцев, персов, арабов, евреев, африканцев, перуанцев? А ведь в целом-то никто на Земле ни о какой мере ныне не помышляет, во всяком случае — из передовых, но несмотря ни на что человеческих, из образованных, из предприимчивых, из умных, талантливых и... успешных! Вот вам и практическая функция философии хозяйства, её рекомендательная потенция, как и прогностические возможности! Кому же хочется вдруг

услышать, что взвешен он уже и найден лёгким, что дни его сочтены, хоть и глотает он таблетки бессмертия, что мёртв он уже, живя ещё, и останется навсегда мёртвым со всеми своими особняками, искусственно возвращенными домочадцами, со служками и охранниками, с бассейнами, садами, авто, самолётами, яхтами и даже космическими кораблями, на которых он улетит вовсе не на другие планеты, как ему кажется, а всего лишь в царство таких же по-особому омертвелых, как и он сам? Философия хозяйства — великое, если не величайшее, достижение ищущего и кое-что ценное всё-таки находящего человеческого сознания (вовсе и не бессознания), достижение по преимуществу и в главном *русское*, ибо по-русски выстраданное, — и надо бы искренне удовлетвориться им — обретением Чаши мудрости, этого Грааля, объясняющего и обогащающего, просветляющего и удерживающего, ан-нет... не нравится, не хочется, боязно, а то и попросту страшно — с правдой-то сойтись, которой вроде бы все жаждут, но от которой все в ужасе и бегут. Непонятно, говорят, архаично, темно! Где определения, где формулы, где ясность? И это-то о неопределимом, о неформулообразном, о неясном! Нет, нет, лучше без всего этого, без указаний на бездну человеческую, на стремительный к ней бег, без призывов к остановке, мере, ещё и вынужденной аскезе. И в самом деле, пусть лучше всё идёт, как идёт, а там уж видно будет, хотя видно, наверное, уже ничего там и не будет! Пусть тогда не будет и философии хозяйства, раскрывшей дерзкую задумку человека *пересотворить мир*, да не просто задумку, а уже всю вершащееся деяние, обеспечивающее явный конец этого мира и неявное начало мира нового, то бишь вполне подтверждающее печально-радостный тезис о Конце Света, как и уже вполне узревшей Апокалипсис, хоть и не очень-то он понятен человеку в Иоанновом-то изложении, но зато как-то весьма оказался доступен по своим метасмыслам как раз философии хозяйства. Нет, нет и нет — никакой философии хозяйства быть не должно! — хотя она уже есть, живёт и будет жить, ибо мысль человеческую никому из смертных не остановить, презрительно объявляя её то ересью, то лженаукой, то уж, извините, — мракобесием, а судить о мысли человеческой все-то никак ведь нельзя: какая из мыслей человеческих и в какой момент окажется вдруг мертвенно-лёгкой?!»

«Ещё более непринимаемой и осуждаемой, чем сама по себе философия хозяйства, оказалась в университетских кругах выведенная профессором С.Н. Булгаковым, будущим о. Сергием, связь философии хозяйства с Софией Премудростью Божией. Софийный принцип ведения хозяйства оказался для Булгакова не просто фундаментальным, но и единственно возможным для увлечшегося переустроительным прогрессом нововременского человечества (заметим, не польза с выгодой, как у европротестантов, а

софийность, т. е. прямой отсыл к высшей, надчеловеческой, божественной мудрости, однако, по Булгакову, и воплощающейся в природно-человеческой, или тварной, реальности, заражённой, увы, и антисофийностью). Выход на Софию означал отход от протестантских (экономических, капиталистических, сугубо правовых) ориентиров в хозяйстве — слишком уж стяжательно-формально-человеческих. Булгаков радел, если сказать попроще, за “омудрствованное” с Божьей помощью хозяйство, а не чисто полезностное хозяйство, за что как раз стояла и стоит до сих пор западноевропейская (англосаксонская по преимуществу) сначала поренессансная, а затем и постренессансная культура. И это был со стороны Булгакова вполне революционный шаг: от протестантизма к православию, что то же самое — от чисто человеческой мудрости (расчёта) к мудрости божественной (переживанию), или же софийной мудрости! Тут являлось совсем другое отношение к хозяйству — как к деланию полноценной общественной и личной жизни, а не безудержному стяжанию в ходе межчеловеческой конкуренции личного материального богатства. Однако это был и не какой-нибудь протестантский социализм, ибо в софийной трактовке не предполагалось ни тягостного преобладания общественного начала над личным, ни уравнивания всех и вся с ликвидацией управленческой иерархии, ни упразднения того же государства с его принципом единоначалия и контрольно-исполнительным правом, ни утверждения принудительной, строгой, как бы монашеского образца, аскезы, то бишь не предполагалось ничего *противу*-человеческого. Софийность не за капитализм и не за социализм, как и не за экономизм с его монетаризмом-финансизмом, равным образом не за либерализм и не за диктатуру, а за, если так можно выразиться, *всеобщий гармонизм*, но не статический, естественно, а динамический, не исключающий вовсе дисгармоний, как и не отрицающий вообще ничего из необходимого и не предполагающий нарочито ничего из надуманно-утопического. Софийность за вполне осознанное и осознаниенное *сакрало-природно-человеческое естество* (или за, выражаясь по-современному, *всеобщий экологизм*). И если здесь есть какой-то утопический момент, то он обязан своим присутствием не Софии вовсе, а... человеку, весьма ещё преданному антисофийности, т. е. человеку несовершенному, духовно слабому, порочному, звероподобному, падшему. София ни на что из реального глаза не закрывает, никаких нереальных фантазий не предлагает, с полным пониманием относясь к человеку и его миру, не поощряя никаких его “комфортогенных” проектов и никак не одобряя крутых смертоносных разборок. София допускает в общем-то *всякое*, ибо это *всякое* в природе человека и в сути его сознания, во всей человеческой экзистенциальности, однако София всегда выступает при этом за *меру*, к которой человек обязан стремиться и которую он вольно или вынужденно постоянно

нарушает, но которую, уже не без насилия, жертв и потерь, принуждён всегда восстанавливать. Мера — безусловная софийность, но и борьба за меру — тоже софийность и тоже безусловная, — так что *софийное хозяйствование* — хозяйствование с мерой и ради меры, хотя и не избегающее того или иного *анти-мерия*. Даже экономика со всеми своими денежными мерами может быть софийной, ежели меры эти не уходят далеко от... софийной же... меры. Стоимость — “софия” экономики (“софия” здесь, конечно, с маленькой буквы и в кавычках, как принадлежность слишком по-человечески тварного мира), а раз “софия”, то и некая “мудрость”, обеспечивающая прокручивание экономически обусловленного хозяйства, хотя в стоимости сидит и мощнейший антисофийный заряд, вызывающий в итоге монструозность, чудовищность, инфернальность экономики при её увлечении безмерием-чрезмерием-недомерием. Экономика умна, в том нет никакого сомнения, но экономика, подчинённая бездушной стоимости, и безумна! Полагаться на экономику можно и нужно, но не во всей полноте, не бездумно, не опрометчиво. Экономика — стихийный монстр, требующий постоянного *мер-отворения*, а совершать таковое может только... *софийный человек*, а вовсе не экономический. Вот вам и практический эффект от философии хозяйства, ободряемой не чем-нибудь, а самой, знаете ли, *софиасофией!*»

«*Софиасофия* — не софиология, не разбирательное учение о Софии, это всего лишь идейно-духовно-практическое взаимодействие с Софией, творческий с ней контакт. Если научник что-то исследует, что-то фиксирует и затем утверждает полученное знание как увиденную и доказанную истину, а обычный философ что-то воображает и затем предлагает принять выработанное им представление за истину, пусть в чём-то сомнительную, а потому и неустойчивую, то софиасоф лишь сосредоточенно вглядывается своим внутренним взором во что-то сокрытое и, осмыслив увиденное, предлагает воспринять его таким, какое оно на самом деле есть... не фактически обнаруженным, как у научника, и не воображённо-обретённым, как у философа, а всего лишь... *неожиданно открывшимся!* Софиасоф открывает, как это, надо заметить, делают и научник с философом, но открывает... непременно само же и *открывающееся*, то бишь открывает не как хирург-анатом и даже не как терапевт-аналитик, а как... увы... жрец, волхв, старец, а обобщённо говоря — как мудрец! И тут важно это самое “как”, ибо софиасоф, будучи феноменом современным — не жрец, не волхв, не старец, как и не привычный всем пророк, ибо он, пусть иной раз и собственно мудрец, всё-таки в первую очередь *мыслитель*, однако... *метафизический мыслитель*, выходящий за пределы не только науки, но и чисто рассудочной (панлогической) философии, причём выходящий не

только по своей субъективной воле, но и по воле всей своей субъектной экзистенции. Кто тут кого находит: мыслитель Софию или София мыслителя? — сказать в точности нельзя, да и не нужно, ибо схождение тут, безусловно, трансцендентного порядка, оно покрыто, так сказать, если и не мраком, то плотной завесой тайны, ибо... *вовсю софийно!* Софиасофии нельзя научиться, в неё надо войти, а вот кому, когда и при каких обстоятельствах — никто из смертных, кроме, возможно, явных пророков-мудрецов, не знает. Ясно тут, пожалуй, одно: к Софии с софиасофией путь совсем не скорый, весьма тернистый и *вовсю* страдательный, а кто же из живущих смертных захочет пуститься по такому-то долгому и рискованному пути, да ещё и в столь роскошное, стремительное и самонадеянное время, каким является время победившего постмодернизма?!»

«Софиасофия — новейшая мудрость, что не значит, что она, как водится, презирает и опрокидывает навзничь прошлую, устаревшую-де, мудрость. Мудрость вообще никогда не устаревает, но зато она всегда дополняется новой мудростью, часто попросту иначе — по-современному-де — выраженной. Софиасофия — постнаучная и даже во многом постфилософская мудрость, рождающаяся от кризиса науки и академической философии, как и от кризиса религии тоже. Это мудрость человека, лишившегося вдруг... мудрости, а потому возвращающегося к Богу и Софии, к той же первородной философии. Очень многое повидавшего, об очень многом поразмышлявшего и очень немало настрадавшегося. Однако возвращение тут не ученическое, а творческое, созидательное, новаторское, а потому и с новой, не бывшей ранее, мудростью — XXI в. н.э. не I в. от Р. Х., как и не какой-нибудь V в. до Р. Х., даже и не XV—XVIII вв. н. э. Современность требует много нового — и новой мудрости тоже, а потому сегодня не просто новая философия, а именно *софиасофия* — как непосредственно обращённое к Софии Премудрости Божией знание-размышление, как вершащееся творчество, как итоговое творение! Софиасофия — не религиозная философия, а обращённая к философии философия, но возникающая на новом витке бытия философии — после и по мотивам острого философского кризиса эпохи Модерна и гигантского философического казуса эпохи Постмодерна. Апокалиптическое время требует и соответствующего ему мудрствования — *апокалиптико-апокастатического*, а таковое только и может состояться на основе и в рамках софиасофии. Всё это очень неприятно слышать адептам науки, академической философии, а в известной мере и официальных религий, имеющим вкуче, кстати, прямое сотворческое отношение к апокалиптике нынешнего времени, но что поделать — *постнаука* и *постфилософия*, а в некотором ракурсе и *пострелигия*, приходят не по человеческому капризу, а наплывают, как любят говорить научники и

философы, объективно, то бишь само собой, независимо от воли человеческой, — и с этим, увы, нельзя не считаться!»

«Возражают обычно очень просто: “Где она — София, покажите нам её, а если она незрима и не здесь, то как же с ней вступить в промыслительный контакт?”. Да, София невидима и неслышима, она не на университетских кафедрах, в человеческих измерениях её вообще нет и быть не может, ибо она из другого мира, человеком не видимого, не слышимого и не измеряемого. Какие-такие могут быть видимые вещи и слышимые звуки, ещё и всюду измеряемые, в мире, лишённом материи, времени и пространства, да вовсе и не в мире, ибо мир — это всё-таки что-то явно бытующее, так сказать — замиренное, а какое-такое бытование... э-э... в нетривиальной пустоте? И почему-то никак не умещается в головах ученых и рассудочно-материалистических философов, что сознание, мысли, знаки, слова, смыслы, цифры, речь, образы и т. п. “вещи” тоже ведь не имеют сами по себе ни материи, ни времени и пространства, ни исчисляемой меры, то бишь они прямо-таки из “того” мира, хотя они и в этом, уже нашем, мире, что как раз и служит первейшим доказательством “бытия” мира “иного”. Невдомёк почему-то знатокам физики и земной тверди, что природа не может взяться, не говоря уже о всей живности и самом человеке, из тверди и физиса вне и без мощнейшего антиэнтропийного внешнего влияния — как раз из “иного” мира, откуда и замысел нашего мира, и его проект, как и исполнение проекта, пусть и не самое, быть может, как и почему-то, совершенное, но всё-таки не от физиса же, не от тверди, а как раз от метафизиса, от трансцендентного. Так, может, лучше иной раз идти в познании нашего мира вместе с присутствующим в нём человеком от метафизиса, от трансцендентного, от иного, от ничто, а вовсе не от здешнего, твёрдого, упругого, механического, чтобы увидеть всё распротёртое вокруг наше такое уже каким-то другим, более сложным и тонким, а главное — вовсе уже не таким, каким его представляют точная-де наука и правильная-де философия? И если заходить оттуда — из *ничто!* — то почему же не обратиться к доприродной и внеприродной, дочеловеческой и внечеловеческой, следственно — высшей мудрости, премудрости, метамудрости, что то же самое — к Софии Премудрости Божией, которая к тому же не только *там*, но и *здесь*, которая вовсе не субъект, а всего лишь кладёшь, источник, сокровище, но при этом и живой дух, действующий, даже и работающий, но, разумеется, совсем не так, как это может казаться образованному лишь наукой и философским материализмом университетскому уму, то бишь работающий не по-нашему, не по-природному, не по-человечески. Да, человек, допустим, делает то-то и то-то, и это замечательно фиксируется человеком, а вот выходит в итоге у человека

частенько что-то совсем другое, что то ли субъективно фиксируется, то ли нет, но вот ходом вещей обязательно всегда утверждается. Так в чём же тут бывает дело, почему именно так, а не иначе, откуда все эти произвольность и неопределённость, мало того, отчего и зачем непредусмотренный результат? И вот тут-то всё и начинается! А что же всё-то? Да как раз вся эта проклятая метафизика со своей треклятой трансцендентностью, что выражается обычно в прямо противоположных суждениях об одном и том же, в жарких диспутах и буйных спорах, а то и... знаете ли... в отрубании чересчур умных, активных и упрямых голов! Что-то тут в университетах и академиях не так! Ладно, скажут нам наиболее миролюбивые противники Софии, пусть будет метафизика, но... подчинённая всё-таки физике, как, собственно, в науке то на самом-то деле и есть. На что мы, сторонники Софии, ответим: пусть будет наука с подчинённой ей метафизикой — ничего плохого!, но пусть будет и метафизика... преодолевающая для себя и по-своему эту самую науку, — и никаких, уважаемые коллеги, очистительных для метафизиков костров!»

«Любопытно, что метафизики очень спокойно смотрят на науку и радуются её успехам, как и в выдержанных тонах её критикуют, ежели она того, конечно, заслуживает; и как же не критиковать, коли объект, которым часто занимается наука, лишь частично бывает собственно научным, а ведь более всего — метанаучным, а то и вовсе ненаучным: хочешь, не хочешь, а перейдёшь тут к метафизике! Совсем по-другому ведут себя ученые, выбрасывая в сторону метафизики такие знаковые словечки, как фантазия, бред, мракобесие, ну и, разумеется, лженаука, хотя метафизика к лженауке не имеет вообще никакого отношения, ибо наукой себя никак не объявляет; лженаука — достояние как раз... науки; в какой-то конкретной науке больше лженауки, в другой — меньше, но вряд ли можно найти науку совсем уж свободную от лженауки; что же касается наук о человеке, обществе, сознании, душе и т. д., то... о-о... даже не хочется говорить, какой же в них бытует процент лженауки, тщательно обычно скрываемый адептами этих наук, мало того, упорно выдаваемый ими не только за науку, но и за... истину! Метафизика не безразлична к истине, но она очень в этом вопросе осторожна и деликатна, ибо хорошо знает, как подвижна истина, как затемнена, как она ловко ускользает от наблюдателя. Метафизика более склонна не к истине, а к... *правде*, ибо правда сродни констатации, не избегающей той же неопределённости, а истина... ох... она же не терпит никакой неопределённости, любя более всего как раз уточняющие её пределы. Вот почему наука стремится к *о-предел*-ениям, производя их отчего-то сотнями по одному и тому же поводу, — и всякий раз, выходя на очередной строго научный определительный диспут, задаётся

одной и той же безутешной задачей: “Прежде чем... давайте определим... что это есть это, а не что-то другое!”, начисто почему-то отрицая тот очевидный факт, что нет и не может быть в таком разе никакого точного и конечного определения, а возможно лишь некое приемлемое для всех диспутантов понятие, скорее даже — *примерное понимание*, что, собственно, и есть по сути... метафизика, как раз та самая, что обслуживает науку, разумеется, самую что ни на есть... “точную”. Наука вовсе не бессофийна, более того, она полна софийности, коли глаголет свою доказанную истину или говорит от себя кое-какую правду, умело действует, добиваясь результатов, что-то там преобразует, чем-то эффективно управляет. Однако всё это, так сказать, первичная, узкомерная, примитивная софийность, положенная в основание и конструкцию лишь физического мира. Такая софийность настолько проста и функциональна, что о ней специально и говорить не приходится. И ежели какой-нибудь чудака-метафизик упорно толкует о софийности и Софии, то он имеет в виду, конечно, гораздо более сложную, несравнимо более тонкую, невыразимо более “смысловитую” софийность, восходящую уже к *иному*, совсем и не только физическому, миру. И как тут, блуждая интуитивно-мысленно по такому — не физическому — миру, не обратиться метафизику к Софии — этой неизвестной ему... конечной истине, но вовсе не для того, чтобы разгадать эту самую конечную истину — Софию, а всего лишь попытаться получше разглядеть зримый им мир, тот же физический, но при этом и не пропустить, как это делает наука-физика, мир метафизический — мир *иной*, который ведь не где-то там — за мирозданием, за Вселенной, хотя и там, возможно, тоже, а прямо здесь — в мире *этом*, так сказать — *нашем*. Нет, не молиться на Софию призывает метафизик, не поклоняться ей, в общем — не религиозничать по её поводу, а всего лишь с Софией почтительно взаимодействовать, приближаться к ней, не приближаясь при этом слишком близко, что-то от неё улавливать, если она сочтёт нужным что-то сообщить страждущему “дознавателю” — и всё это более всего через *откровение*, ибо другого варианта тут нет — ни исследовательского, ни размыслительного, ни воображенческого».

«Рассчитывать метафизик может именно на *откровение*, если, конечно, говорить о крайних открытиях и высоких, не говоря о горних, смыслах. И вот тут возникает очень болезненный вопрос: а как же метафизику быть с духовно-религиозным знанием, которое ведь тоже мудрость и тоже откровение? Ответ тут может быть такой: знать и использовать, понимать и руководствоваться, но, видимо, этим всем не ограничиваться, ибо жизнь всегда полнее и богаче, она активно изменяется, хотя в чём-то всего лишь воспроизводясь, рождает новые проблемы и ставит новые вопросы, и сам человек

меняется, обретая новый опыт и обновляя своё сознание, и отношение человека к миру и своей экзистенции меняется, как и меняется его отношение к божественному началу, к сакралу, к природе, ну и к самому себе тоже. Так или иначе, но вовсе не на все вопросы текущего и наступающего бытия человек находит в имеющихся в его распоряжении священных текстах и древних преданиях, хотя многое там и находит. Вообще же *писание* — это не только что-то уже написанное, ставшее прошлым, но непременно и настоящее, только-только свершающееся, непосредственно человека сопровождающее. Не надо принижать человека, запрещая ему продолжать своё глобальное имманентно-трансцендентное историческое писание, пусть поначалу и боговдохновлённое, ибо человек, к примеру, зная о том, что произошло в древней Иудее в связи с Христом, знает ещё и то, что произошло в связи с Христом уже после событий в Иудее, что случилось потом в эпоху Римской империи, в Средневековье, в Новое время, что происходит в Новейшее время — сейчас, а потому у человека софийного всегда есть потребность в каких-то не бывших ранее суждениях, как и всегда остаётся возможность новых откровений, причём вовсе не обязательно только в пределах, контексте и дискурсе древних, пусть и очень мудрых, писаний. Бытие человека думающего, ищущего решений, жаждущего откровений и есть по сути своей *писание*, выраженное при этом в письме или нет, но... *писание*, которое в итоге никогда не прекращается и прекратиться, пока есть человек, не может. Не надо вторгаться “творчески” в древние святыне творения, пытаться их изменять, дополнять, совершенствовать, ибо они ни в какой модернизации никак не нуждаются, храня свою первозданную ценность, но ничто не должно мешать человеку вести текущее писание — научное, философское, религиозное, как и... метафизическое. Ежели София — принадлежность, атрибут, свойство Господа Бога, а потому она и в Его владении и ведении, то по отношению к земному существу — человеку, София ничья не собственность, ни одной религии, ни любой из философий, ни какого-то научного учения, а потому диалог с Софией, если он бывает возможен — это диалог любого призванного к этому человека, — и не дело человека решать вопрос о ценности и эффективности такого диалога, как и его исключительности, это дело Софии, пользующейся для своей инспекции реальным течением бытия-истории, что обычно и называется у человека либо объективностью, либо ходом вещей, либо движением неизвестности. Выход к Софии никому не запрещён, а вот отклик от Софии всецело в ведении самой Софии — это уж кому как везёт!»

«Философия вплетена в историю, да не только в идейно-духовную историю, но и в реально-событийную. Есть ещё в философском арсенале и *историософия*, как раз

непосредственно истории человека и человечества присущая. В итоге есть как философическая картина истории, так и участие философии в реальных исторических ситуациях, мало того — в их созиданиях. История уже давно под прицелом не только философии вообще, не только историософии как таковой, но и той же философии хозяйства, ибо история — явный продукт и текущее свидетельство хозяйства. Первично здесь хозяйство, а история как раз вторична. Сегодняшний мир резко переходен и крайне проблемен, он, безусловно, кризисен и апокалиптичен. Полагание странного нового сопровождается нахрапистым отрицанием выверенного старого. Мир идёт по канату, взлетевшему над бездной. Ситуация в мире весьма скверная, — и мировое управление в лихорадочном поиске хоть какого-то разрешения — пусть и не для всех, а всего лишь для некоторых! В России тоже очень дурно, но Россию уже тошнит от вселившегося в неё безумия, она рвётся к преодолению убивающего её безумства, зачиная потребное оздоровление и новый исторический подъём. Самое невозможное как раз и становится возможным! За невозможным покаяться пойдёт и возможное очищение, а если же не так, то вынужденно явится принудительная чистка с насильственным же крутым и строгим перестроением. Нейтральная сама по себе история тут в убедительных доказательствах не нуждается. А пока Россия готовится неприметно к новому стратегическому натиску, но в силу того, что на планете она не одна, мало того, ещё и как бельмо в глазу, особенно, евро-американском, да и китайском тоже, в покое Россию никто и никогда не оставит: все в мире так или иначе понимают, что у России может что-то вдруг получиться, как раз то, чего никогда уже не получится в ЕвроАмерике и не факт, что получится в том же Китае — *иное будущее!* Да и в жертву было бы неплохо принести вполне “правильному” миру вполне “неправильную”, но богатую жизненным ресурсом, Россию! Отсюда латентная, а местами и моментами совершенно явная, всемирная тотальная война — хитроумная, дерзкая, беспощадная! Война за ресурсы, за выживание, за образ человека и жизни, за само земное бытие, — не на жизнь, а на смерть! Война многофакторная, системная, целостная. Война идеологий, концептов, понятий. Философия нынче либо в университетских легальных закромах, где спит себе, если не выгнана уже прочь, мертвецким сном, либо прямо в войне миров, где находит себе эффективное применение — как обращаясь в стратегическую тайнопись (для посвящённых), так и попостмодернистски громко вопия о том же тотальном бессмыслии (для профанов). Постмодернизм — заунывный какофонный реквием по философии как таковой, как и, разумеется, по ещё ренессансно, или классически, мыслящему человеку. Конец! Не то философия хозяйства — прямая противоположность заматеревшей и затвердевшей официальной философии. Философия хозяйства видит мир в реальном движении,

действии, превращении. Только она и противостоит нынче миру постмодернового абсурда, что как раз и приговорён ультрасовременной философией к самоуничтожению, мало того — уже заказавшей в лице своих самых молодых адептов-нигилистов похоронный для мира постмодернового абсурда красочный катафалк («Чем хуже, тем лучше, чем быстрее, тем занятнее!»). А вот философия хозяйства, питаемая софиасофией и ведомая Софией, утверждает, что не в абсурде вовсе спасение человечества, как и не в новых способах производства и типах цивилизаций, не в новых научных открытиях и технических достижениях, не в модернизированных оккультных учениях и не в свеженьких интеллект-доктринах, даже не в отягощённых мирской тщетой религиях, а в апокалиптико-апокатастатическом *преображении* человека и человечества, в их, знаете ли, резко критическом обращении к самим себе — на путях самоосознания, самоотречения и самопревращения, что предполагает решительный разворот от многого ныне столь энергично человеком приветствуемого, от многого им столь долгожданно и чаемо благоприобретённого. Уж не России ли суждено Богом и историей совершить что-то подобное?!»